

На следующий день запомнился тем, что Гарри и Рон лежали в больничном крыле. Никто не знает, что произошло, но у меня есть догадка. Либо они не справились с полосой препятствий, либо все же справились. Вариантов немного, не так ли? Зная, что они отправились на поиски приключений, как только все легли спать, я понял — мы же живем в одной комнате, что бы кто ни говорил. Что ж, черт с ними, на праздничном пиру в честь окончания учебного года мы все узнаем.

Те несколько дней перед пиром мы с Гермионой до тошноты занимались магией. Маглорожденным не разрешается колдовать на каникулах, и, как я узнал, на это есть несколько причин. Вероятность нарушения Статута о секретности и отсутствие взрослого волшебника, который бы предотвратил ошибки или печальные последствия неправильной магии. То есть, по сути, колдовать можно, но только там, где есть взрослые волшебники, а не в мире маглов. Поэтому мы колдовали до потери пульса.

В день пира, когда Гарри и Рон выписались из больничного крыла, весь факультет узнал об их приключениях. Они прошли полосу препятствий, хотя Дьявольские силки доставили им хлопот, равно как и загадка с ядом, вином и зельем. По секрету от всего мира Рон рассказал, что Философский камень был спрятан в Запретном коридоре, и теперь он уничтожен.

На пир мы пришли в несколько подавленном состоянии. Во-первых, мы просто устали, а во-вторых, нам передалось общее настроение факультета — проигрыш по очкам. Полный проигрыш. Последнее место.

Перед началом пира Дамблдор объявил результаты, подтвердив наше последнее место. Но он не был бы Дамблдором, если бы не сделал финт ушами.

— Однако, — веско продолжил он, стоя перед застывшим в тишине залом, — мы не учли последние события. Мистеру Рональду Уизли за лучшую в истории Хогвартса игру в шахматы награждаю дом Гриффиндор восемьюдесятью очками.

Перси был рад, факультет ликовал, остальные недоумевали. Гермиона сидела, как и я, и ничего не говорила.

— Мистеру Гарри Поттеру, — продолжил Дамблдор, и в зале воцарилась полная тишина. Мне показалось, я услышал, как у Снейпа дернулась бровь. — Награждаю дом Гриффиндор девятью очками за беспрецедентную храбрость и железную выдержку.

Несколько секунд мертвой тишины, и зал буквально взорвался от радости гриффиндорцев, злости слизеринцев и смешанных с теми и другими эмоциями остальных факультетов.

— Таким образом... — заговорил снова директор, но его уже почти никто не слушал. — Первое место занимает Гриффиндор!

Дамблдор хлопнул в ладоши, и многочисленные знамена в зале поменяли цвет с зеленого на

алый. Герб Слизера сменился на герб Гриффиндора.

С непроницаемым лицом Гермиона попыталась встать и уйти, ведь все происходящее абсолютно противоречило правилам. Уверен, она прекрасно понимала, что теперь наш факультет в целом и Поттера в частности невзлюбят, и это еще мягко говоря. Однако я удержал ее за руку, усадив обратно на место.

— Так рождаются ненависть, злость и зависть, — тихо сказал я ей, пока вокруг сходили с ума ученики.

— Это отвратительно, — скривилась она.

— Что? Тебе не нравится, что мы победили? — сказал внезапно обративший на нас внимание Рон, а с ним и Гарри и еще многие рядом. Вместо Гермионы, которая, видимо, решила, что объяснять что-либо бесполезно, выступил я.

— Вам дали баллы за то, что вы покинули гостиную после отбоя, разгуливали по коридорам замка, пробрались в Запретный коридор, сожгли ценное магическое растение, сломали две школьные метлы, разбили ценный артефакт последних пары сотен лет и обрекли Фламея на смерть. Чудесно. Смерть и разрушение — достойное гриффиндорца дело.

— Ты ничего не знаешь! — покраснел от возмущения Рон, и еще многие поддержали его негодование.

"Не говорю, что ты поступил неправильно", — повел я плечами. — "Но ведь реально ничего не было, весь этот ночной кошмар, ведь ты не нарушил кучу правил? Да мне, по большому счету, и плевать. Ты же остался жив — и на том спасибо Мерлину".

"Вот именно!" — Ронушка гордо задрал нос, а Гермиона посмотрела на меня с укоризной. Школьники продолжали поздравлять. На столах появилась еда и напитки.

"Это все ужасно несправедливо, и у меня двойные чувства", — тихо сказала мне Гермиона. — "Мы вроде как победили, но какой противный осадок на душе".

"Понимаю".

"Почему ты поддержал их?"

"Поддержал? Я высказал свое мнение, но развивать конфликт не стал. Да это им всем как об стенку горох. Давай лучше поедим — дорога предстоит неблизкая".

"Ты прав".

После пиршества все разошлись собирать вещи. Нам выдали предписание о запрете колдовать на каникулах и результата экзаменов, где я с Гермионой разделила первое место.

К поезду нас вновь повезли на лодках, сопровождал все тот же Хагрид. Мы с Гермионой быстро заняли пустое купе и заперли дверь Коллопортусом. Я решил спать, а Гермиона достала какую-

то толстенную книгу и углубилась в чтение.

Как я уснул, я не заметил, но проснулся уже практически в Лондоне.

"Просыпайся".

"Сонно продрал глаза и увидел Гермину, трясущую меня за плечо.

"Что?" - мозг заработал не моментально, но почти моментально. - "Уже приехали?"

"Да".

Переодеваться было не нужно, поэтому мы быстро выбрались на платформу, нашли тележки для багажа и покатали в сторону магловской части вокзала. На стоянке меня уже ждал отец на своем БМВ пятерке. Гермину, судя по всему, высмотрела своих родителей и потянула меня к ним навстречу.

"Мама, папа!" - она сразу же бросилась им в объятия и родители радостно обняли дочь. Отец, судя по всему, заметил движение неподалеку. Он вышел из машины и направился к нам, приветственно помахивая рукой.

Когда мы все собрались в одной компании, Гермину поспешила нас познакомить.

"Мама, папа, познакомьтесь. Это Максимилиан Найт, мой однокурсник и друг. Макс, это мои мама и папа - Джин и Пол Грейнджер".

"Очень рад, миссис Грейнджер, мистер Грейнджер. Это мой отец, Джон Найт", - я представил приближавшегося отца. Хорошо, что мы не в светском обществе. Так можно и целый день представляться.

Родители завели светские беседы.

"Обязательно пиши мне", - скороговоркой протараторила Гермину, как она умеет. - "И про дневной режим не забудь".

"Конечно, пушистик", - я обнял девушку и потрепал рукой ее непослушные локоны.

"Эй! Как?! Ты весь год даже внимания не обращал, а тут я пушистик?!" - она была искренне возмущена.

"Это шахматный ход, Гермину. Шах и мат", - с ехидной ухмылкой я удалился следом за отцом, который успел попрощаться с четой Грейнджер. Взрослые загадочно улыбались. Меня почему-то терзают смутные сомнения, что они уже нафантазировали себе невесту что.

<http://tl.rulate.ru/book/88740/3841149>